

Александр Золотько

Интерпретатор

*Часть сборника
Мир Стругацких. Рассвет и
Полдень (сборник)*

Александр Золотько
Интерпретатор

«ЭКСМО»

2017

Золотько А. К.

Интерпретатор / А. К. Золотько — «Эксмо», 2017

«Когда Егору Старосветову было двенадцать лет, Учитель дал группе тему для реферата: «Далекая Радуга: трагедия выбора». Подразумевалось, что ученики проведут анализ ситуации на Далекой Радуге и получат возможность продемонстрировать свою способность к анализу на теме широко известной, многократно оцененной и, что самое важное, оцененной однозначно. В принципе, как потом объяснил Учитель главному психологу интерната, подразумевалась даже не собственная оценка учениками ситуации, а способность собрать и упорядочить систему чужих аргументов...»

© Золотько А. К., 2017

© Эксмо, 2017

Александр Золотько

Интерпретатор

Человечность. Это серьезно.

Михаил «Атос» Сидоров

Придется нам поступиться кое-какими достижениями высшего гуманизма!

Т. Глузов

Когда Егору Старосветову было двенадцать лет, Учитель дал группе тему для реферата: «Далекая Радуга: трагедия выбора». Подразумевалось, что ученики проведут анализ ситуации на Далекой Радуге и получают возможность продемонстрировать свою способность к анализу на теме широко известной, многократно оцененной и, что самое важное, оцененной однозначно. В принципе, как потом объяснил Учитель главному психологу интерната, подразумевалась даже не собственная оценка учениками ситуации, а способность собрать и упорядочить систему чужих аргументов.

В общем, рутинное, хоть и полезное задание. Широкий спектр мотиваций, тщательно разработанная аргументация и, как вишенка на торте, оценка участниками тех событий собственных действий уже после всего, когда Волны неожиданно исчезли. Драма со счастливым финалом – зверь редкостный.

Вот.

Все, в общем, и написали о противопоставлении Познания и Чувства, о Долге, о Самопожертвовании. Почти все. Собственно все, кроме Старосветова.

Егор в своей работе сообщил, что, по его мнению, никакой трагедии выбора на Далекой Радуге и не было. Решение лежало на поверхности, и никто из тех, кто его принимал, в общем, не страдал и не мучился необходимостью делать этот самый выбор.

Ситуация, сложившаяся на планете, писал Егор, имела однозначное решение и сводилась к простому принятию очевидного. Спасение детей – приоритет, близкий к абсолютному. Мнение, высказанное Ламондуа, о необходимости спасения интеллектуалов, было, скорее, профессиональной инверсией, необходимостью предложить в дискуссии альтернативное решение, не более того.

Егору было неинтересно рассматривать «псевдоконфликт», он решил взглянуть на проблему с несколько другого ракурса.

Альтернативный вариант номер один – «Таризель» имел вместимость еще меньшую, чем в реальности. Или, как вариант этой же модели, детей на планете было бы больше, намного больше, чем в момент реальной катастрофы на Далекой Радуге. Какое решение было бы принято? По какому принципу велся бы отбор из общего числа детей – кого спасти, а кого оставить на верную (как казалось в тот момент) смерть? Пожертвовать собственной жизнью ради спасения своего ребенка – это способность всякого морально развитого существа, написал Старосветов, не особо подбирая термины.

Его больше интересовала психологическая составляющая. Умереть ради собственного ребенка – просто и понятно. Позволить умереть собственному ребенку ради того, чтобы выжил чужой, – эмоционально и психологически неоднозначная ситуация. НЕОДНОЗНАЧНАЯ – крупно выделил в тексте Егор и пояснил, что, по его мнению, бесконфликтного решения эта ситуация не имеет.

Жертвовать собой ради других – право человека. Жертвовать субъективно менее ценным ради субъективно более ценного – право и обязанность руководителя. Но выбирать из равноценных объектов... Решить, кто из детей будет жить, а кто умрет... Не принять гибель

детей в ситуации катастрофы, а выбрать из списка... из ряда детей, стоящих перед тобой, тех, кто останется жить, а кто умрет... И реакция родителей в этой ситуации просчету не поддается.

Самому забрать своего ребенка и умереть вместе с ним? Заставить впустить своего ребенка на борт звездолета – значит убрать оттуда кого-то другого, родители которого тоже сделают все возможное, чтобы спасти своего сына или дочь. Установить квоту в одного спасенного ребенка на семью? Предложить родителям выбрать, кто из детей будет жить, а кто нет?

Егору Старосветову было всего двенадцать лет, он был спокойным и уравновешенным мальчиком, может быть – слишком уравновешенным для своего возраста – поэтому он не стал живописать возможных конфликтов и сцен неизбежного насилия при подобном сценарии происшествия. Он только указал на проблему, на сложность ее решения.

И это был первый рассмотренный им вариант.

Во втором варианте детей на Далекой Радуге не было вообще. Абсолютно. Был «Тариэль», были ученые и техники, мужчины и женщины, но детей не было.

И вот тут, по мнению Егора Старосветова, возникала ситуация трудноразрешимого конфликта. Кого из взрослых и самостоятельных людей нужно было спасать, кого оставить перед Волной?

Спасение интеллектуалов? Во-первых, мнение самих ученых при этом раскладе могло быть далеко не однозначным. Во-вторых, если даже предположить, что о спасении собственной жизни люди, не входящие в интеллектуальную элиту планеты, могли и не заботиться – опять же, готовность к самопожертвованию и прочие как бы высокие мотивы (Егор так и написал: «прочие как бы высокие мотивы»), то многие из них имели близких – друзей, подруг, мужей и жен, и вот их спасение никаким рейтингом значимости и необходимостью уступить свое место другим уже не регулировалось.

Особенно если на «Тариэле» оставалось место после погрузки «великих и полезных» (тоже формулировка Егора).

Ни выводов, ни, тем более, каких-то рекомендаций в своей работе Егор Старосветов не предложил. Просто сдал текст вместе со всеми и отправился с группой на спортивную площадку. Учитель же, ознакомившись с работой, обратился к психологу интерната.

Это могла быть попытка выделиться. Или эпатировать. Или привлечь к себе внимание. Или совершить акт «интеллектуального вандализма» – оскорбить, принизить общепризнанную ценность, продемонстрировать подростковый цинизм... Но Егор даже не пытался свою работу тиражировать. Учитель осторожно выяснил у других ребят из группы – Егор ни с кем не обсуждал своего реферата, в Сеть его не выложил и больше к этой теме не возвращался.

Психолог сделал отметку в документах Егора, работа была отправлена в архив.

Через три года грянул скандал.

Прямого отношения к работе о трагедии выбора этот скандал не имел, да и, собственно, скандалом он был в чисто академическом смысле этого термина. Молодой... очень молодой наглец дерзнул покуситься... хотел продемонстрировать... сам не понял, о чем говорил... В общем, Егор Старосветов принимал участие в учебно-методической конференции Исторического семинара Малой Академии Наук в Гжатске.

Сам он выступал с интересным, но совершенно ровным и, как выразился потом руководитель семинара, благопристойным докладом. «Проблемы эмоциональной маркировки системы обрядов инициации у некоторых кочевых племен» – ничего эпатажного и взрывоопасного. Работу благосклонно выслушали как участники, так и члены жюри, оценка была выставлена высокая, и работа попала в пятерку лучших рефератов семинара.

В качестве бонуса для юных историков была предоставлена экскурсия в Институт Экспериментальной Истории, с посещением музея, лабораторий и встречей с руководителем

Арканарского проекта Венедиктом Ильичом Корфом, профессором, академиком, корифеем и прочее-прочее-прочее.

Венедикт Ильич рассказал собравшимся в зале молодым коллегам историю проекта, кратко изложил, не избегая, впрочем, проблемных моментов, результаты и перспективы деятельности своего коллектива. Потом предложил всем желающим задавать вопросы. Профессор искренне любил общаться с молодежью и был готов отвечать подробно и честно.

Поскольку все происходящее было частью официального мероприятия, то велась протокольная запись встречи.

Зал на триста человек, почти все места заполнены, учителя и работники Института сидят в задних рядах, две с половиной сотни отроков и отроковиц внимательно слушают профессора, впрочем, без напряжения. Позы свободны, но не расслаблены.

– Итак, милостивые государи, – профессор улыбнулся, приглашая всех собравшихся к общению неофициальному и раскрепощенному. – Полагаю, у вас есть вопросы?

Поднялось несколько десятков рук, Венедикт Ильич предоставил слово девушке из первого ряда, потом молодому человеку из третьего... Все это время Егор Старосветов сидел на своем месте и держал руку высоко поднятой над головой. Слово ему предоставили шестым.

Егор встал, хотя профессор с самого начала предложил молодым коллегам оставаться в креслах, по-свойски. Но – как хотите, сказал Корф, когда Егор сказал, что лучше постоит. Как вам будет угодно.

Егор выглядел на свои пятнадцать лет. Обычный спортивный мальчишка, в хорошей физической форме, в светлой рубашке с короткими рукавами и серых брюках. В левой руке он держал записную книжку, в правой – деревянный карандаш, которым до этого делал пометки в течение выступления профессора.

– Уважаемый... – Егор мельком глянул в записную книжку, – ...Венедикт Ильич. У меня два вопроса, связанные между собой. И я хотел бы задать их подряд...

– Я полагаю, мы можем это позволить молодому человеку, коллеги, – улыбнулся Корф.

– И мне понадобится несколько минут, чтобы изложить, так сказать, преамбулу, – спокойно продолжил Егор. – До десяти минут, если можно...

Старосветов снова заглянул в свою записную книжку и кивнул, словно подтверждая – десять минут, никак не меньше.

– Хорошо, – профессор сел в кресло возле трибуны, за которой стоял во время своего выступления. – Надеюсь, в зале нет возражений?

В зале возражений не было.

– Прекрасно, – Корф разгладил седую эспаньолку и скрестил руки на груди. – Ну-с...

– Первый вопрос у меня составной. И, возможно, ответа не имеющий. Прошу сразу меня простить за... за это и за многословность, – Егор не улыбался, не хмурился, говорил ровно и спокойно. Только в его взгляде было нечто... настораживающее, хотя, как считали многие, тревожащим взгляд выглядел исключительно в результате послезнания. Если бы ничего не произошло, то при последующих просмотрах записи зрители ничего такого особенного и не заметили бы.

– Вы говорили о так называемом Арканарском инциденте, – взгляд в записную книжку, и легкое движение головой. – Его еще иногда называют Арканарской резней.

– Говорил, – зачем-то сказал Корф. Благодушная улыбка все еще имела место на его лице, но было понятно, что такая постановка вопроса профессора несколько не устраивает.

Он предпочитал именовать случившееся в Арканаре Инцидентом. Инцидентом и никак иначе. Но не одергивать же мальчишку, в самом деле.

– Насколько я понимаю, спасение Руматы Эсторского проходило по заранее намеченному плану эвакуации. Он был разработан до того, как Румата приступил к исполнению

своих обязанностей, не был экспромтом. Полагаю, что экспромты в области безопасности участников экспедиции недопустимы? Я прав?

– Естественно, – чуть помедлив, кивнул Корф. – Сценарии, инструкции, варианты были разработаны и просчитаны еще на Земле.

– Значит ли это, что шашки со снотворным газом были сброшены на плотно населенный город, на его центр, сознательно? – Взгляд Егора остановился на профессоре.

– Э-э... – протянул Венедикт Ильич. – Да. Значит именно это.

– Подразумевалось, что патрульный дирижабль атакует шашками...

– Простите, не атакует, ни о какой атаке речи не шло, – профессор стал серьезным. – Район конфликта был обработан...

– Хорошо-хорошо, обработан. Не атакован, а обработан, – Егор сделал пометку в записной книжке, и кто-то из зрителей, сидевших неподалеку, хихикнул, слишком уж странно все это выглядело – корифей, академик и профессор начинал оправдываться перед пятнадцатилетним мальчишкой. – Район конфликта был обработан снотворным газом...

– Который был создан специально для такого экстраординарного случая, был полностью адаптирован к биологии жителей планеты и не мог причинить им никакого вреда, – закончил за Старосветова Корф. – Эта тема неоднократно обсуждалась...

– Да, я знаю, – кивнул Егор. – Я читал протоколы комиссии, которая признала действия экспедиции оправданными. Газ был разрешен. Опробован и разрешен. Но на одном из заседаний той же комиссии был поставлен вопрос о неплановых жертвах той операции по спасению... И речь, насколько я понимаю, шла не о тех людях, которые были убиты сотрудником вашего Института.

– Медицинское и психологическое освидетельствование нашего сотрудника... – Корф подался вперед, опершись руками о колени, словно собирался вскочить и броситься вперед. – Освидетельствование показало, что срыв, произошедший...

– Я читал копию этого освидетельствования, она находится в свободном доступе в архиве Института. В открытом каталоге не значится, но его код и порядковый номер имеется в отчете кафедры Экстремальной психологии Института Общей Психологии, – Егор кивнул. – Никто не обвинял вашего сотрудника. И подсчет его жертв тоже не проводился. Это было признано нецелесообразным.

– Да. И неоправданно жестоким по отношению...

– А был ли произведен подсчет жителей Арканара, погибших в результате применения снотворного газа, безвредного и безопасного? – Егора было невозможно сбить с намеченного курса. – Известно, что операция стартовала после начала пожара в доме Руматы Эсторского, а это значило, что пожар неминуемо разросся при плотной застройке города. И люди, которые уснули под действием газа, не могли покинуть дома ни в момент их загорания, ни позже. Я не ошибаюсь?

– Вы не ошибаетесь, – не проговорил, а процедил профессор. – Эти непредвидимые потери...

– Возможно, эти – именно эти – потери невозможно было предвидеть. Но представить еще при планировании операции, что такие потери будут – было возможно и даже необходимо. Самое поверхностное знакомство с бытом людей того уровня цивилизации показывает, что травмы и смерти при проведении обработки снотворным газом неизбежны. В качестве примера – повар или хозяйка, снимающая с огня кипяток или горячую еду. Неизбежные ожоги. Кузнец, работающий с открытым огнем и раскаленным металлом, теряющий сознание во время процессаковки. Падение с лестницы, падение в яму. Вместе с конем. Строители, ремонтники. Рыбаки. Грузчики. Даже если представить себе, что при населении Арканара в двадцать тысяч человек только один процент подвергнувшихся обработке погибли или получают серьезные травмы, то мы имеем порядка двухсот человек. Это при условии, что

гибель и травмы будут происходить точно, на месте, а не в результате вспыхнувших пожаров из-за упавших факелов, разбитых фонарей, опрокинутых свечек, того же раскаленного металла, выпавшего из рук кузнеца на солому, сено или какие-то другие горючие материалы.

– Это – всего лишь отвлеченные рассуждения на тему, – профессор наконец встал, но не стал бросаться в зал, а прошелся по сцене, заложив руки за спину. – Это спекулятивное рассуждение, которое основывается на...

– Оно основывается на модели, разработанной технической лабораторией вашего Института для определения количества жертв при катастрофах населенных пунктов уровня Древнего мира, Средневековья и Раннего Возрождения, – спокойно сказал Егор, заглянул в записную книжку и прочитал: – Магистерская работа Франсуа Родригеса, научный руководитель профессор Мытищенко Эр. Вэ. Имя и отчество, простите, я выяснять не стал. Используя эту методику, я и получил округленный результат для последствий... обработки снотворным газом Арканара при установленном коэффициенте начала противодействию стихии в интервале от тридцати до семидесяти минут. Получилось, что уровень потерь среди населения в случае начала пожара достигает...

Егор кашлянул, закрыл записную книжку и спрятал ее в карман брюк.

В зале стояла мертвая тишина.

– Я не буду рассматривать вариант с пожаром. Я рассматриваю, как уже говорил, точечные поражения. Один процент. Двести человек. Четверть мертвы, четверть остались инвалидами, и сто человек получили травмы разной степени тяжести, что при тамошнем уровне медицины и санитарии... – Егор кашлянул. – Были ли рассмотрены подобные расчеты при планировании типовых спасательных операций?

Профессор не ответил, молча подошел к креслу и сел.

– Они спасали землянина!

Девичий голос прозвучал с другого конца зала, еще несколько человек присоединились. Мы обязаны спасти своих. Обязаны. Это наш долг!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.